

Евгения Ткалич

Родилась в городе Людиново Калужской области. После окончания Алтайского политехнического института (АПИ) работала на предприятиях города Барнаула. Автор шести поэтических книг и двух сборников фантастических рассказов. Печаталась в литературных журналах «Юность», «Балтика», «Бийский вестник», «Фантастическая среда», «Алтай». Лауреат малой Пушкинской премии (Барнаул). Руководитель студенческой литстудии АлтГТУ. Член Союза писателей России.

Городской трамвай

Город, закутанный в снежную вату,
тридцатиградусным минусом дышит.
Мёрзнет трамвай на маршруте девятом,
жмётся к людским остановкам поближе.
Гулко трясётся, за рельсы цепляясь,
окна тарацит, как бельма, слепые.
В заиндевелом салоне трамвае
едет исконная наша Россия:
бабки с кошёлками и работяги,
хмурые тётки, студенты и дети,
в школы, больницы, в универмаги,
как и положено, взявши билетик.
Воздухом стылым со вкусом ментола
утренний город трамваи встречает.
Жизнь не закончится и в минус сорок,
если по городу едут трамваи.

Стать вороной

Стать бы птицей...

Хотя бы вот этой вороной,
что сидит на вершине огромной берёзы,
наблюдая с высот поднебесного трона
суеющийся город, как мудрый Спиноза.
А потом с громким «Карр!»,
что по-птичьему «Ужас!»,
улететь бы далёко, на самый край света,
где крылатые люди с воронами дружат
и живут в тёплых гнёздах из прутьев и веток.
Я хочу стать вороной:
хватит быть человеком!
Иногда прилетать сюда, к старой берёзе,
и разглядывать город в бетонных доспехах,
как другие вороны...
Без глупых вопросов.

Дали мышке свободу

Свобода страшит отчасти:
всё чересчур, всё слишком.
Что делать с этим несчастьем,
если родился мышкой?
Если из норки — ни шагу,
только за хлебной крошкой.
Если дрожишь от страха?
Если боишься кошки?
Дали мне крылья свободы,
дали большое небо,
но не летала я сроду —
вот и теперь не требуй.
Я не боец, не воин,
прячусь всю жизнь, поскольку
сильные рвутся на волю,
слабые ищут норки.

По тёмной, глубокой воде

По тёмной, глубокой воде
за край, за последний предел
уносит речная вода
не жухлый осиновый лист,
а чью-то уставшую жизнь
в неведомый край навсегда.

Не страшно, не больно, не жаль.
Осенняя серая хмарь
и чёрная топь тишины
её провожают без слёз,
без сожалений, без просьб.
Пора... Все мосты сожжены.

...А где-то в начале реки
качает волна челноки
и крепкие ладят мосты.
Там ива предзимней порой
прощается с жухлой листвой
у тёмной, глубокой воды...

***

Перетрут,
перемелют года-жернова
урожай наших ахов и охов,
а бессонные ночи замесят слова
и хлеба испекут...
Но с подвохом.
Чёрный хлебец судьбы
пересолен, горчит —
сладкой сдобой судьба не балует.
Но жуёшь и жуёшь...
и молчишь, и молчишь...
...и скрипят жернова вхолостую.

Этот январский
заснеженный день — понедельник
даром отдам,
отщипнув от короткого века.
Сонное «завтра»
младенцем сопит в колыбели,
как и положено перед далёким забегом.
Трудно начать.
В прошлогоднем снегу застревая,
время буксует в сугробах вчерашних прогнозов.
Что же нас ждёт?
Так тревожны неясные дали:
в год понедельников
весь календарь високосен.

В августе

Остановиться, чтобы побродить
по кромке остывающего лета,
искать в траве осенние приметы,
плести, как паутину, память-нить,
и удивляться спелости всего
что оставляет август у обочин
своих дорог в преддверье зимней ночи...
Услышать тьмы скучающий зевок
и колыбельную пустого сада.
Услышать, но не повернуть назад...
Всё ближе осень.
И дымят закаты,
докуривая летний самосад.